

Частотны также контексты, в которых присутствуют глаголы говорения в форме прошедшего времени, сигнализирующие о том, что некий диалог имел место в прошлом, однако в тексте эксплицируются только ответные реакции, речевые или неречевые:

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.

Как долго медлил я! как долго не хотела

Рука предать огню все радости мои!..

(А. Пушкин).

Эту структуру можно назвать имплицитным, или неактуализированным диалогом. И хотя здесь не просматривается традиционное диалоговое построение, при описании поэтического диалога подобными конструкциями нельзя пренебрегать.

Иллюстрируя типы диалога, мы приводили, естественно, фрагменты текстов, вырванные из общей поэтической структуры. На самом деле все эти виды и формы переплетаются и взаимодействуют друг с другом, создавая феномен лирического полилога и ярко характеризуя не только индивидуальный стиль того или иного автора, но также и стиль целого поэтического направления.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) /под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.
2. Горшков А. И. Лекции по русской стилистике. — М., 2000.
3. Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. — М., 1996.
4. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс //Теория метафоры. — М., 1990.
5. Топоров В. Н. Об “эк-тропическом” пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) //От мифа к литературе. — М., 1993.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
7. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. — М., 1976.
8. Иванова Н. Н. Диалог в современной лирике //Проблемы структурной лингвистики-1982. — М., 1984.
9. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. — М., 1986.
10. Якубинский Л. П. О диалогической речи //Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. — М., 1986.

Поступило в редакцию 1.02 2002

Дикарева С. С.

КОГНИТИВНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В СЦЕНАРИЯХ ДИАЛОГА

Разговор — это здание, возводимое сообща.

Андре Моруа

Отличительной чертой коммуникации в современном мире является усиление личностного начала «Я» и ориентация на активный диалог «Я и Другой». Исследование условий, способствующих достижению целей в диалоге, необходимо для обучения эффективной языковой коммуникации в деловой беседе или научной дискуссии, при официальном или неофициальном контакте, непринужденном или регламентированном стиле общения.

В статье рассматривается когниция как процесс мышления, размышления и предпочтения, на основе которого осуществляется выбор языкового поведения в различных коммуникативных пространствах. Коммуникация и когниция представлены как две важнейшие сферы, которые в некотором отношении являются противоположными и взаимно дополняют друг друга. Предлагается динамическая модель сценария русского диалога, который реализуется в виде последовательности речевых шагов, объединенных в диалогические события.

КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

Аспекты исследования когниции

Когниция (*cognition*, *Kognition*) соединяет в себе значение двух латинских терминов — *cognitio et cognitatio* — познание и разум человека, познание и познавание, мышление и размышление, процесс приобретения знаний и его результат [1, с. 81]. Когниция является центральным понятием когнитологии — междисциплинарной науки, в круг проблем которой входит исследование феномена знания во всех аспектах его получения, хранения и переработки.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, когниция «ярко отражает сущность *homo sapiens*'а и его интеракцию, взаимодействие со средой, направленные на выживание человека, совершенствование его приспособления к природе, познание мира и т. п.» [1, с. 81].

В одном из значений когниция — это сокращенное обозначение для понятия когнитивной обработки и переработки информации, процесса, который заключается в достижении знаний в виде репрезентации и оперирования с ними.

В более широком значении термин когниция относится ко всем процессам, в ходе которых сенсорные данные, выступающие в качестве сигналов информации, трансформируются и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа — *образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.* Такого типа ментальные репрезентации как бы удерживаются в памяти человека для того, чтобы их можно было извлечь в процессе интеракции. При этом в качестве когнитивных рассматриваются не только процессы «высшего порядка» — мышление и речь, — но и процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого соприкосновения с миром.

В таком понимании когниция соответствует как *осозанным* процессам научного познания, так и *неосозанному*, подсознательному постижению той действительности, которая окружает человека. Интересно отметить, что в качестве аргумента включения подсознательного в область когниции Е. С. Кубрякова приводит рассуждения Н. Хомского о семантической структуре двух английских глаголов *to cognize* «узнавать, замечать, обращать внимание, познавать» и *to know* «знать». В отличие от глагола *to know* семантика глагола *to cognize* охватывает как целенаправленные процессы приобретения знаний, так и процессы, которые протекают бессознательно [1, с. 82].

Многоаспектный подход к изучению когнитивных процессов представлен в коллективной монографии «Эволюция. Язык. Познание» (под общей редакцией И. П. Меркулова) [2]. В книге рассматриваются проблемы когнитивной эволюции, эволюции мышления и развития научного знания с позиций эволюционной эпистемологии. Особое внимание уделяется анализу этапов когнитивной эволюции чело-

века, характерных для этих этапов принципов обработки и передачи адаптивно ценной информации в древних языках танцев и невербальных символов.

Сборник открывается вступительной статьей И. П. Меркулова, в которой определена научная программа эволюционной эпистемологии: «Эта книга о развитии человеческого познания и его механизмах, о том, как на протяжении многих тысячелетий человеческой истории биологическая, когнитивная и культурная эволюция теснейшим образом коррелировали между собой и взаимно подкрепляли друг друга» [2, с. 7]. Эволюционная эпистемология исходит из предположения, что биологическая эволюция человека не завершилась формированием *Homo sapiens* — она не только создала когнитивную основу для возникновения человеческой культуры, но и оказалась условием ее прогресса.

Важное значение для теории коммуникации имеет исследование двух когнитивных типов мышления: знаково-символического (логико-вербального) и пространственно-образного. Эти типы мышления связаны с функциональной активностью левого и правого полушарий мозга. Как было установлено, различия между этими типами мышления детерминируют разные стратегии переработки когнитивной информации: аналитическую и холистическую. Пространственно-образное мышление характеризуется холистической стратегией обработки многих параметров коммуникации, а знаково-символическое (логико-вербальное) — аналитической стратегией, которая позволяет отобрать и сопоставить лишь немногие, существенные для анализа параметры. В результате образуется однозначный контекст, необходимый для общения [2, с. 11].

Плодотворность когнитивного подхода в эпистемологии обнаруживается при анализе отдельных аспектов невербального знаково-символьного мышления и невербальных языков танцев. Танец как особый вид искусства традиционно рассматривается в специальных дисциплинах — хореографии, искусствоведении, эстетике, психологии искусства. В последнее время появляются работы, в которых развиваются теории невербальной коммуникации, где важнейшее значение придается пластической символике, предлагаются философские концепции танца.

В статье И. А. Герасимовой «Танец: эволюция кинестезического мышления» обсуждается вопрос о когнитивной основе танцевальных движений. Автор ставит перед собой задачу раскрыть танцевально-двигательный аспект мышления в зависимости от уровней и граней развития сознания, форм опыта, форм чувствования и понимания [3, с. 86].

Танец как вид искусства возник на определенном этапе генетической, когнитивной и культурной эволюции человечества и в дальнейшем претерпевал изменения. Так, сторонники биологического происхождения искусства считают, что танец человека произошел в результате ритуализации поведенческих *стереотипов, сценариев*. Такое предположение основывается на том безусловном факте, что в мире живой природы можно наблюдать брачные ритуалы птиц, подобные сюжетным танцам, «пляски» бабочек и рыб, танцевальную коммуникацию пчел и т. д. Это свидетельствует об общей биологической потребности к упорядоченным танцевальным движениям, которые обеспечивают передачу когнитивной информации.

Сторонники социологического взгляда исходят из понимания танца как явления, обусловленного социокультурной жизнью человека. Танец рассматривается как *модель коммуникативной связи* на том основании, что танцевальные движения

представляют собой наиболее распространенные, типовые, ритмически организованные движения, которые часто и успешно использовались в жизни людей данной культурной общности.

Согласно некоторым гипотезам, до появления магии слова роль внешних стимулов выполняли невербальные средства, и, в частности, ритмические движения. Например, организованная ритмом пластика тела в музыке и танце имела преимущественное значение в культовых действиях. Предполагают, что все жители общины принимали участие в культовых танцах, язык танца был понятен и служил средством общения. Лишь в более поздний период (около 600 г. до Р. Х.) в мистериях появляется *зритель*, и непосредственная физическая вовлеченность в действие уступает место вербальному пониманию, «безмолвный танец перестает быть понятным большинству» [3, с. 89].

Таким образом, исследования когнитивной лингвистики приобретают все более широкий характер и проводятся с привлечением факторов эволюции человека, биологии, культурологии. Эти исследования приводят к убеждению о взаимосвязи биологической, когнитивной и культурной составляющей в процессе познания человеком самого себя и окружающего его мира. Когнитивная основа определяет характер как вербальной, так и невербальной коммуникации. Познание и коммуникация представляют собой две важнейшие сферы активности человека, которые в некотором смысле противопоставлены и взаимодополняют друг друга.

Принцип «когнитивная-коммуникация» в лингвистике

Когнитивная лингвистика занимается концептуальной организацией языковых знаний. К задачам этого направления лингвистики относится моделирование тех полезных сведений, которые приобретает и использует человек в процессе *языковой коммуникации* [1], [3], [4], [5]. Актуальными проблемами когнитивной лингвистики считают изучение языковых категорий в соотношении с когнитивными моделями, исследование концептуальной метафоры и метонимии, схем и прототипов, которые создаются внутри языков и за пределами языков; иконичность в языке и мышлении, язык и пространство как основа для конкретной и абстрактной концептуализации и др. [6].

Например, в статье А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского «Постулаты когнитивной семантики» [5] в качестве исходных формулируются 7 постулатов, которые авторы рассматривают как теоретическую основу когнитивного подхода в лексической семантике:

- (1) постулат о примате когнитивного;
- (2) постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания;
- (3) постулат о тенденции к экономии усилий;
- (4) постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке;
- (5) постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения;
- (6) постулат о множественности семантического описания;
- (7) постулат о значимости нестандартных употреблений.

Постулаты отражают наиболее общие принципы, принятые в описании семантики языковых явлений в русле когнитивного подхода.

К числу наиболее популярных когнитивных категорий в лингвистике относится понятие *фрейма и сценария*. Под фреймом понимается структура знаний о типич-

зированной объекте или стереотипной ситуации. Фрейм — декларативный способ представления знаний, который формулируется в форме описаний (дескрипций). Сценарий — процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма или инструкции [7]. При этом термины «фрейм» и «сценарий» обозначают как саму когнитивную структуру — *ментальная категория*, так и способ представления этой структуры с помощью специального метаязыка — *формализованное описание* (ср., например, язык сценариев в концепции А. Вежбицкой).

Интерпретативный фрейм (схема интерпретации) и сценарий (последовательность событий) описывает прямое и не прямое соответствие между когнитивными представлениями и лингвистическими знаками от отдельных лексем и даже словообразовательных единиц (ср., например, когнитивный анализ русских приставок ЗА-, РАС-, анализ слов «заодно», «как бы» в аспекте культурно-значимых концептов) [8].

КОГНИТИВНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ДИАЛОГЕ

Монологическая и диалогическая компетенция

В статье “Взгляд на “Вид” Гельдерлина” Р. Якобсон вводит понятие “диалогическая компетенция” [9]. Анализируя стихи Гельдерлина разных периодов его творчества, Р. Якобсон отмечает. «С ранней юности и до развития острой стадии психической болезни диалог (“блаженный обмен, святое давать-и-брать”) был жизненной необходимостью поэта. Что касается языка позднего Гельдерлина, то это как показывает Р. Якобсон, — пример разрушенной диалогической компетенции при одновременной сохранности монологического мастерства, когда “болезненный диалог и его участники исчезали перед восторгом творческого монолога” [9, с. 374].

Очевидцы отмечают, что и в повседневной жизни затруднительным для поэта было и спрашивать и выслушивать вопрос. Вместо утверждения или отрицания Гельдерлин прибегал к “третьим словам”: “Вы это утверждаете, вы так полагаете, меня это не касается”. Его речь была полна “борьбой между утверждением и отрицанием” (например, между высказываниями “Люди счастливы” и “Люди несчастны”). Он изобрел особое слово — *palaksch*, и любил говорить его там, где требовалось выбрать между “да” и “нет” [10, с. 374]. По наблюдениям Р. Якобсона, последние стихи Гельдерлина “последовательно исключают всякие отсылки к ситуации речи, ... не содержат в себе никаких дейктических языковых знаков, никаких индексов речевого общения” [9, с.378]. Табуирование тех классов слов, которые показательны для диалогической формы речи, в поздних стихах начинается с изъятия личных местоимений 1 и 2 лица, затем захватывает личные имена, связанные, главным образом, с говорящим и слушающим.

Итак, монологическая ориентация речи состоит в свободном от указания именовании (нет дейксиса), отсутствии актуального времени с преимущественным использованием настоящего неактуального времени, отсутствии глаголов говорения и отсутствии имен адресанта и адресата.

В противоположность этому диалогическая компетенция проявляется в возможности или готовности к социальному языковому общению. В языковом отношении диалогическое общение характеризуется включенностью в ситуацию речи и внутренней структурной организацией. К свойствам внутренней структурной организации диалога относятся:

1. фонетические отношения между репликами и речевыми шагами в вербальном взаимодействии (интонация, ударение, тон), а также паравербальные средства;
2. морфологические и лексические средства смены коммуникативной роли (операционные слова, открывающие и завершающие речевой шаг,
3. лексические средства передачи инициативы собеседнику, “прагматические частицы” и другие связывающие элементы);
4. синтаксические особенности диалога (неполные предложения, характерные для устной речи; дополнения со стороны собеседника в виде парцелированных структур, фразовые границы, реплики, повторы, семантико-синтаксические способы выражения связности, включая катафору и анафору, в том числе и нулевую);
5. интенциональные и экстенциональные семантические отношения: локальная или глобальная несопротиворечивость (отношения условия и следствия, установление топиков в разговоре и смена этих топиков);
6. прагматические свойства диалога как последовательности речевых актов: локальная и глобальная прагматическая связность (уместность речевого акта, глобальная прагматическая нацеленность его, включенность в прагматическую макроструктуру);
7. динамика взаимодействия, темп и ритм диалога, взятого как последовательность речевых шагов (занятие инициативы и смена реплик; стратегии диалога и средства их риторического и стилистического воплощения) [11, с. 104]

Взаимодействие знаний разных типов — языковых, экстралингвистических и интерактивных формирует диалогическую компетенцию участников общения.

Когнитивные предпочтения

Диалогический принцип языковой коммуникации проявляется в активной позиции как автора, так и адресата. Воспринимая высказывание, адресат свободен в выборе способа реагирования. Как и диалогические отношения, которые рождаются в промежуточной сфере между *Я* и *Ты*, *Я* и *Другой* значение высказывания как бы заново создается и переосмысливается при взаимодействии вступивших в диалог [10].

Л. П. Якубинский отмечал два способа использования языковых средств: речевой автоматизм и «борьба чувств» — сознательный выбор в результате борьбы мотивов. В качестве примера «борьбы чувств» Л. П. Якубинский анализирует мотивы речевого поведения в ситуации, когда нужно сообщить неприятное известие. «Мне нужно сказать нечто очень неприятное любимому и уважаемому мною человеку; во мне борются два чувства: с одной стороны, я хотел бы сказать все сразу, называя вещи своими именами, «выпалить» и покончить с делом, с другой стороны, я боюсь обидеть и, может быть, оскорбить его и в результате выражаюсь осторожно, исподволь, говорю намеками, выбираю слова, не договариваю и пр.» [12, с. 50]

Когнитивные предпочтения связаны с понятием *когнитивной стратегии*. Стратегии занимают важное место в когнитивной модели обработки дискурса Т. А. ван Дейка. Для выделения используются разнообразные признаки: микро- и макростратегии, стратегии говорящего и адресата, социокультурные и коммуникативные стратегии. Например, макростратегии используются на текстуальном и контекстуальном уровне для учета связей внутренней и внешней информации [13], [14].

К стратегиям прибегают в тех случаях, когда последовательность действий становится сложной, и необходимо сделать выбор среди альтернатив. Этапы ди-

алога не могут быть запланированы во всех деталях, поскольку неизвестно, какой в точности может быть реакция партнера на каждой стадии речевого взаимодействия. Тем не менее участники речевого взаимодействия могут иметь общую когнитивную стратегию, определяющую, какую цель (или цели) необходимо достигнуть [15].

Когнитивные стратегии реализуется в выборе речевых стратегий. К речевым стратегиям относится планирование и выбор прагматического типа речевых шагов, их последовательности и речевой реализации. Выбранная стратегия является «хорошей», если цели достигаются оптимальным образом.

Содержательная сторона диалога расчленена между двумя участниками. Это проявляется в том, что реплики собеседников ориентированы друг на друга и без соотнесения друг с другом коммуникативно не завершены. Диалог возникает по инициативе одного из коммуникантов, когда условия общения делают возможным его обращение к другому коммуниканту. Обязательным признаком диалога служит смена коммуникативной роли, т. е. чередование минимум двух речевых актов. Динамика диалогического взаимодействия определяется следующими параметрами: осуществление адресантом речевого шага; смена адресанта; смена адресата; смена коммуникативной инициативы; достижение совместной цели.

Динамическая модель сценария диалога

Как уже отмечалось, начиная диалог, мы совершаем речевой шаг — речевое действие, направленное к желательному собеседнику. Само действие вступления в диалог аналогично приглашению к танцу, на которое партнер может ответить желанием или нежеланием и отказом. Начало диалога, как и его продолжение, определяется когнитивным предпочтением.

Собеседник, открывающий диалогическое общение, совершает речевое действие с определенной целью — спрашивает, хочет удостовериться в своих предположениях, высказать или разрешить сомнения, оказать воздействие на других и т. п. Иными словами, вступившие в диалог осуществляют речевые действия, поэтому диалог может быть определен как последовательность речевых действий, принадлежащих разным лицам — его участникам.

Наиболее удачным термином, отражающим динамику диалогического взаимодействия, является термин *речевой шаг*. *Речевой шаг* включает в себе идею движения диалога, в процессе которого участники, как и партнеры в танце, исполняют свое коммуникативное па [11, с.40].

Реплика каждого участника общения может включать как одно, так и несколько речевых актов: сообщение, просьбу, совет, обещание, благодарность и т. п. Речевой шаг — это одно или несколько коммуникативно направленных речевых актов одного из участников общения, объединенных единой иллокуцией. Приведу пример.

Пример 1. *Должно ли из ваших слов заключить, что басни господина Крылова решительно дурны?*

— *Нимало, — нетерпеливо отвечал Василий Львович, сдерживая закипающий в нем гнев. — Они могут быть превосходны... в своем роде, но я считаю для себя честью быть скромным подражателем Ивана Ивановича Дмитриева, русского Лафонтена. Таков мой вкус. Вот и все.* (А. Сломинский).

В примере 1 речевой шаг первого собеседника состоит из одного речевого акта вопроса: *Должно ли из ваших слов заключить, что басни господина Крылова решительно дурны?* Ответная реакция второго собеседника включает в себя несколько утверждений, объединенных единой иллокуцией и составляющих одно встречное движение коммуникации, т. е. один речевой шаг.

Таким образом, **первым признаком**, на основании которого вычленяются отдельные речевые шаги участников общения, выступает **иллокутивная функция совершаемых речевых актов**.

Следующим очень важным моментом анализа является то, что далеко не все, что произносится в процессе общения, используется далее для развертывания диалогического взаимодействия. Другими словами, диалогически значимыми оказываются лишь те речевые действия, которые, во-первых, адресованы партнеру, и, во-вторых, находят отклик у партнера в виде ответного речевого действия.

Поясню сказанное на примере.

Пример 2. Начало I действия “Вишневого сада” А. П. Чехова.

Л о п а х и н. *Пришел поезд, слава Богу. Который час?*

Д у н я ш а. *Скоро два. (Тушит свечу) Уже светло.*

Л о п а х и н. *На сколько же это опоздал поезд? Часа на два, по крайней мере (зевает и потягивается). Я то хорош, какого дурака сваял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал... Сидя уснул. Досада... Хоть бы ты меня разбудила.*

Д у н я ш а. *Я думала, что вы уехали. (Прислушивается) Вот, кажется, уже едут (А. Чехов).*

В приведенном фрагменте диалога между Лопахиным и Дуняшей первая реплика Лопахина состоит из двух речевых актов *Пришел поезд, слава Богу и Который час?*, однако диалогически значимым оказывается лишь вопрос, за которым следует ответный речевой шаг Дуняши: *Скоро два*. Следующее высказывание Дуняши *Уже светло* не включается в структуру диалога, т. к. в коммуникативном плане оно представляет собой комментирование ее неречевого действия (Тушит свечу).

Вторая реплика Лопахина начинается с вопроса *На сколько же это опоздал поезд?*, на который он сам дает предположительный ответ *Часа на два, по крайней мере*. Далее следует ряд высказываний, которые также “выпадают” из структуры диалога и произносятся в качестве комментария действий его самого, предшествующих ситуации общения: *Я то хорош, какого дурака сваял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал... Сидя уснул. Досада...*

Реплика заканчивается фразой, обращенной к Дуняше: *Хоть бы ты меня разбудила?* Последующая фраза Дуняши *Я думала, что вы уехали* служит ответом на этот вопрос.

Как видно из приведенного примера, не все речевые действия участников общения направлены на развертывание диалогического взаимодействия. В частности, не входят в коммуникативную структуру диалога речевые действия следующих типов:

- высказывания, комментирующие неречевые действия;
- высказывания, на которые говорящий реагирует сам;
- высказывания, предназначение которых состоит в том, чтобы заполнить словесный вакуум для выбора способа коммуникативного реагирования.

Высказывания первого и второго типов были уже рассмотрены при анализе примера 2. Иллюстрацией речевого поведения, которое используется говорящим для обдумывания последующего диалогически значимого речевого шага, служат реплики Аметистова в примере 3 из пьесы “Зойкина квартира” М. Булгакова.

Пример 3. В т о р а я д а м а. *Мсье Аметистов, скажите, как, по-вашему, у меня широкие скулы?*

А м е т и с т о в. *У вас? Как же вы дит, мадам? У вас совсем нет скул!* (скрывается).

Фразы Аметистова *У вас?*, *Как же вы дит, мадам?* Представляют собой подготовительные высказывания к его ответному речевому шагу *У вас совсем нет скул!*

Следовательно, для того, чтобы речевые действия участников общения составили диалогическое взаимодействие, они должны быть коммуникативно направлены, т. е. ориентированы на речевую реакцию адресата.

Итак, *речевой шаг* — это один или несколько речевых актов, реализующих коммуникативное намерение одного из участников общения.

Воспринимая высказывание, адресат свободен в выборе способа реагирования. Желая достичь нужного воздействующего эффекта, собеседники должны иметь в виду, что активными могут стать смыслы, не отвечающие их коммуникативному намерению (ср. в примере 4 из рассказа В. Токаревой реакцию на «дежурную шутку» школьного сторожа Пантелея Степановича «*Смотри, мужу все скажу*», обращенную к незамужним учительницам).

Пример 4. Из рассказа Виктории Токаревой «День без вранья».

«В школе было тихо и пустынно. Школьный сторож Пантелей Степаныч, а за глаза просто Пантелей, сидел в одиночестве возле раздевалки в своей неизменной кепочке, которую он носил, наверное, с тех пор, когда сам еще ходил в школу. <...>

Увидев меня, Пантелей скорчил гримасу, как Мефистофель, и погрозил пальцем:

— Смотри, жене все скажу.

Это была его дежурная шутка. Молодым учительницам он говорил то же самое, но заменял слово “жене” словом “мужу”: “Смотри, мужу все скажу”.

Учительниц это раздражало, потому что мужей у многих не было, а Пантелей каждый раз напоминал об этом». (В. Токарева).

Поскольку эффективность коммуникативного намерения обнаруживается лишь тогда, когда происходит смена коммуникативной роли, не менее существенным параметром диалогического взаимодействия является смена говорящего.

Смена адресанта

Смена адресанта (говорящего, пишущего), или смена коммуникативной роли, является одним из дифференциальных признаков вербального диалога. По этому признаку диалог отличается от коммуникативно-ориентированного монолога, когда говорит лишь один участник общения.

Однако в разговорной речи возможны случаи так называемого “коллективного говорящего”, которые характеризуются тем, что одно речевое действие распределяется между несколькими говорящими. Примерами служат случаи совместного вопроса, совместной просьбы или совместного приглашения.

Пример 4. Муж (А), и жена (Б) приглашают знакомого в гости.

А. *Приезжайте к нам Б. ___ завтра А. ___ ужинать.* (Пример из работы [17]).

В приведенном примере два участника (муж и жена) представляют одну смысло-

вую позицию, которая оформляется в одном речевом действии “приглашение”.

Подобная ситуация возникает и тогда, когда говорящий в поисках нужного слова ищет поддержку у слушающего, или слушающий предвосхищает его намерение, продолжая реплику (примеры 5,6).

Пример 6. Из пьесы М. Булгакова “Адам и Ева”.

Е ф р о с и м о в. ...*Вы чем занимаетесь, Ева...*

Е в а. *Артемьевна. Я учусь на курсах иностранных языков.*

Е ф р о с и м о в. *А вы, Адам?*

А д а м. *Николаевич! Я — инженер (М. Булгаков).*

Пример 7. Диалог М. Волошина с М. Цветаевой из воспоминаний М. Цветаевой.

Он. *А нельзя ли было уже зараз снять и ...*

Я. *Очки?*

Он. *Радостно: Да, да, очки, потому что, знаете, ничто так не скрывает человека, как очки. (М. Цветаева).*

В примере 6 фразы Евы и Адама *Артемьевна* и *Николаевич* не составляют самостоятельных речевых шагов, а лишь “достраивают” вопросы Ефросимова: *Вы чем занимаетесь, Ева Артемьевна?* и *А вы, Адам Николаевич?* И хотя формально происходит смена говорящего, однако нового речевого шага не образуется. Самостоятельными речевыми шагами являются лишь ответы на вопросы Ефросимова — Евы: *Я учусь на курсах иностранных языков* и Адама: *Я — инженер*.

Пример 7 иллюстрирует последовательность построения речевого шага М. Волошина *А нельзя ли было уже зараз снять очки, потому что, знаете, ничто так не скрывает человека, как очки* с помощью вспомогательного метадиалога *Очки? — Да, да, очки*.

Таким образом, при выделении единиц диалогического взаимодействия нужно иметь в виду, что речевой шаг одного собеседника может строиться при обращении к другому собеседнику, когда они оба вместе выполняют коммуникативную роль “коллективный говорящий”. Коммуникативная роль «коллективный адресант» возможна и в письменных формах общения, например, в случаях соавторства, а также “коллективного автора” в условиях делового общения, когда письменный документ направляется от имени организации или предприятия.

В процессе диалога каждый из участников меняет свою коммуникативную роль, выступая то адресантом, то адресатом. При этом движение в диалоге определяется тем, что, получив право голоса, каждый собеседник совершает свой речевой шаг, реализуя свое коммуникативное намерение.

Последовательность речевых действий говорящего до смены им коммуникативной роли определяют как речевой ход. В таком понимании этот термин эквивалентен термину “реплика”. Однако как уже было показано, в пределах одного речевого хода возможны разные речевые шаги, связанные с выражением разных коммуникативных намерений. Другим важным признаком, маркирующим употребление диалогически значимого речевого шага, служит смена адресата.

Смена адресата

Ориентированность речи на определенного адресата отличает диалог от некоммуникативного речевого поведения, с одной стороны, и от форм массовой коммуникации, с другой стороны. При диалоге один из двух участников какое-то время является адресатом. Реплика направленная двум разным адресатам, открывает воз-

возможность для разных типов диалогического взаимодействия и соответствует, поэтому, разным речевым шагам (примеры 8, 9).

Пример 8. Г о с п о д и н (глядя на Даму). *Если позволите* — (Трактирщику) — *два стакана!*

Д а м а (как лед) *Благодарю. Я не буду пить* (М. Цветаева).

Пример 9. *«Сигарету?» — спросила фрау Герберт. Господин Никитин?*

Господин Самсонов? — Спасибо, я до чертиков накурился в самолете. Подожду.

Аналогично, — ответил Самсонов. — Воздержусь». (Ю. Бондарев).

Как видно из приведенных примеров, в пределах одного речевого хода говорящего возможны речевые шаги, направленные разным адресатам. Причем «диалогический шов» может проходить даже внутри одного высказывания, как в примере 8. Начало реплики господина обращено к даме: *Если позволите*, это просьба разрешить сделать заказ. Затем происходит переадресация, и продолжение реплики адресовано уже не даме, а трактирщику: — *два стакана!*.. Это формулировка самого заказа.

Заключение

Цели коммуникации достигаются в результате активной деятельности каждого участника общения. Любое диалогическое взаимодействие подвижно ориентацией на цели партнеров, которые, однако, не обязательно совпадают и в подлинном диалоге взаимодополняются и изменяются. Цель диалогического взаимодействия — это взгляд в будущее, предвидение динамики развития диалога. Цели выбираются и варьируются в коммуникативном пространстве собеседников. Для достижения необходимо уметь:

- 1) варьировать различные языковые средства выражения (лексические, грамматические, просодические) выбранных речевых действий — «просьб», «благодарностей», «советов» и т. п.;
- 2) усиливать интенсивность речевых действий, т. е. использовать речевые шаги различной иллюквативной силы, например, заменить просьбу (в случае отказа) мольбой;
- 3) сочетать речевые действия одного прагматического типа с речевыми действиями других типов, например, просьбу с обещанием, приказ с угрозой, совет с аргументацией совета и т. п.
- 4) дополнять вербальные средства невербальными.

Продумывание когнитивной стратегии и выбор речевой стратегии соответствует осуществлению речевого поступка, противопоставленного типизированному речевому действию — использованию стереотипа. Выбор речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях зависит от *когнитивных предпочтений* вступивших в диалог.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. /Под общ. ред. Е. С. Кубряковой М., 1996. — 245 с.
2. Эволюция. Язык. Познание. Под общ. ред. И. П. Меркулова — М.: Языки русской культуры, 2000. 2
3. Герасимова. Танец: эволюция кинестезического мышления //Эволюция. Язык. Познание. /Под общ. ред. И. П. Меркулова — М.: Языки русской культуры, 2000. — с. 84-113.
4. Касевич В. Б. О когнитивной лингвистике //Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Да-

видовича Кацнельсона. — Санкт-Петербург: Наука, 1998, с. 14-21

5. Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики //Известия АН. Серия литературы и языка, 1997, том 56, № 1, с. 11-21

6. Schulze, W. Cognitive Linguistics meets typology. The Architecture of a «Grammar of Scenes and Scenarios» 1999 http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/cog_typ.htm

7. Минский М. Фреймы для представления знаний. Пер. с англ. О. Н. Гринбаума. /Под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.

8. Зализняк А. А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // In: Russian Linguistics, vol. 20, 1996.

9. Якобсон Р. Взгляд на “Вид” Гельдерлина //Роман Якобсон. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. — С. 364-384.

10. Дикарева С. С. Диалог в философской и лингвистической традиции //Культура народов Причерноморья. — 1997. — № 2. — С. 143-147.

11. Дикарева С. С. Прагматические условия диалога. Симферополь: Изд-во СГУ, 1994. — С. 120.

12. Якубинский Л. П. О диалогической речи //Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. — М.: Наука, 1986. — С. 17-58.

13. ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. — С. 153-211

14. ван Дейк Т. А.. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений //Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. — С. 268-304.

15. Дикарева С. С. Стратегии диалога и диалог стратегий //Когнитивные стратегии языковой коммуникации. Материалы конференций. /Ред. С. С. Дикарева, Л. Е. Бессонова, В. М. Ронгинский, Крым, 1998 — С. 14-20.

16. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики //Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М.: Изд-во МГУ, 1997. — С. 340-342

17. Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Итоги и перспективы исследования //Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. — М.: Наука, 1988. — С. 121-151.

Поступило в редакцию 21.03.2002

Лахно С. Н.

РОЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ. (МЕДИЦИНСКИЙ ВУЗ)

Роль русской литературы в обучении студентов-иностранцев русскому языку трудно переоценить. Общеизвестно, что искусство, литература формируют познавательную активность учащихся, являясь богатым источником страноведческой информации. Посредством художественных образов происходит знакомство студентов с культурой народа, язык которого они изучают, с образом жизни и морально-этическими нормами, сложившимися в обществе. При этом русский язык может служить ключом к произведениям многонациональной литературы, так как посред-